

The mythological images of sutartines are evident in other folk hymn genres which were adopted by folk Christian cult. For example the chants for Saint George who slays the dragon which are found in the territories of Lithuania and Belarus inherited the same mythologemes as the «Didysis Dievaitis» (the Great God) who was mentioned in XVIth. century. He preserves celibacy, although he holds the keys to unlock the female Earth, to ensure fertility (weave the crowns/release waters and pick the rose), sometimes the Saint Peter is the holder of the keys to the afterlife: possibly the motive of keys show the links to earlier burial ceremonies and sacrifices. The mythological rose symbolizing fertility could be linked with early medieval heraldry of GDL in the context of Apollo/Polemon – Lithuanian ancestor arriving from Pontus with his comrades-in-arms, the knight (vytis/gynėjas/pagonia) in the Grand Duchy heraldry was associated with Centaurus. This image could be reflected in Russian bylinas as two sons/princes or twins vitniks of Lithuanian king [10]. Some other sutartinės cycles mention the goat which is sent to ask for the waters and slain while the slayers – community members dance changing their images and gender roles (dancing as ancestors or strangers, foreigners), possibly the priests ruling the ceremonies (like twinned Tulissones and Ligaschones) could have their own dances. This shows that these specific cycles could be performed with the carnival masks in the past and the sutartinės could be the genre used in archaic shamanistic rituals which currently are extinct: such as honoring heroes, gods, sacrificing animals, performing wedding and initiations, cremating or burying aristocracy/people. These rituals probably were still alive in the official GDL state aristocracy life until the end of the reign of Grand Duke Vytautas and maturity of feudalism, still remembered in XVIth century by chroniclers.

Bibliography:

1. Vyčinienė, D. R., Archaic Lithuanian Polyphonic Chant Sutartinė / Daiva Račiūnaitė Vyčinienė. – Lituania, 2006, vol. 52, No. 2. – PP. 26–39.
2. Vėlius, N. Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis: folklorinio velnio analizė / Norbertas Vėlius. – Vilnius : Vaga, 1987. – 319 p.
3. Vėlius, N. Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. 1: nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / Norbertas Vėlius. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. – 742 p.
4. Vėlius, N. Tarybų Lietuvos enciklopedija / Norbertas Vėlius, T. 3 (Masaitis-Simno). – Vilnius : Vyriausioji enciklopedijų redakcija, 1987. – 327 psl.
5. Mažiulis V., Prūsų kalbos etimologijos žodynas. / Vytautas Mažiulis –Mokslas. – Vilnius, I 1988, II 1993, III 1996, IV 1998.
6. Slaviūnas Z., Sutartinės 3 t. / Zenonas Slaviūnas. – Vilnius, 1958–1959.
7. Beresnevičius, G. Žyniai ir valdovai: du baltų visuomenės sąrangos modeliai legendinėje tradicijoje / Gintaras Beresnevičius. – Naujasis Židinys, 1991. –Nr. 6. – PP. 17–21.
8. Basanavičius J, Iš gyvenimo vėlių bei velnių / Jonas Basanavičius, Parengė K. Aleksynas. Pabaigos žodį ir paaiškinimus parašė L. Sauka. – Vilnius : LLTI, 1998. – 587 p.
9. Eliade, M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy / Mircea Eliade. – Bollinger Series, No. 76. Published by Princeton University Press.
10. Toporovas, V. Šiaurės Rusijos "lietuva" : mitas ir realybė / Vladimiras Toporovas – In: Liaudies kultūra 2004. – Nr. 5. – PP. 49–56. Tekstas lietuvių k.

Мария Чуракова

ЖАНРОВО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАПЕВА С 6-СЛОЖНОЙ ОСНОВОЙ СТИХА И «ЗЕРКАЛЬНЫМ» ПОВТОРОМ РИТМИЧЕСКОГО ПЕРИОДА В ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

На примере политекстового напева, бытующего в северо-западных районах Смоленщины в обрядах весенне-летнего периода, ставится проблема соотношения категорий «жанр» и «типовой напев».

Mariya Chyrakova

GENRE TYPOLOGICAL FEATURES OF THE MELODY WITH THE SIX-SYLLABLE BASIS OF THE VERSE AND THE «MIRROR» REPETITION OF RHYTHMIC PERIOD IN TRADITIONS OF THE NORTHWEST OF SMOLENSK REGION

Regarding to a polytext calendar tune of spring-summer period that exists in north-west areas of Smolensk region, the problem of correlation between such categories as «genre» and «typical melody» is revealed.

Вопрос взаимосвязи понятий «тип напева» и «жанр» особенно актуален при изучении календарно-обрядовых песен традиций русско-белорусского пограничья³, в том числе северо-запада Смоленщины (Велижского, Демидовского, Руднянского районов)⁴, поскольку на этой территории выделяется целый ряд напевов, попадающих в зону жанровых пересечений. В настоящей работе на основе записей экспедиций Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (далее – СПбГК)⁵ представим один из них.

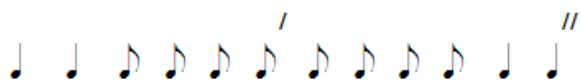
Политекстовый напев, опирающийся на стих 6+6 слогов и имеющий «зеркальный» повтор ритмической формулы восьмивременной величины, записан в четырёх вариантах в 1964 году и единично в 1997 году.

Обобщенная слогоритмическая модель:

³ Затрагивалась в работах З. В. Эвальд, З. Я. Можейко, Г. В. Тавлай, О. А. Пашиной, Л. М. Белогуровой (Винарчик), Е. А. Дороховой, В. М. Прибыловлой и др.

⁴ Данные районы северо-запада Смоленской области входят в зону бассейна Западной Двины. Л. М. Белогурова, отмечает, что эта территория имеет тесные историко-культурные связи с северным Поднепровьем, хотя формально к нему не относится [1, с. 68].

⁵ Коллекции 001, 149 и 152 архива Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова СПбГК. В 1964 г. под научным руководством Ф. А. Рубцова были обследованы Демидовский и часть Велижского района. В 1990-х гг. (научный руководитель А. М. Мехнецов) работа велась на территории Демидовского и Руднянского районов.

Вый-ду я(й) на го-ры, вый-ду я на го-ры.

Напев имеет ангемитонную основу, в записях экспедиций СПбГК выделяются две ладовые версии. Первая представляет собой тетрахорд в квинте (см. Пример 1) и отмечается на востоке Велижского и юге Демидовского районов. Вторая версия напева (с квартовой основой лада) зафиксирована в северной части Демидовского района (см. Пример 2).

В целом, музыкально-стилевые свойства подчёркивают обрядовую принадлежность напева. Для него характерно исполнение в высоком регистре, насыщенный, «плотный» звук. Закономерности композиции связаны с претворением принципов повторности как проявления императивно-заклинательного начала («зеркальное» отражение ритмических ячеек). Повторность обнаруживается и на уровне мелодического развития: обе версии строятся из двух попевок, имеющих в своей основе родственное мелодическое зерно кличeveго характера интонирования. Благодаря этим свойствам реализуется обрядово-магическая функция напева.

Пример 1.⁶ д. Цыгань, Крутовское с/п, Велижский р-н

Пример 2.⁷ д. Кли́н, Слободское с/п, Демидовский р-н

Поэтические тексты, координирующиеся с данным напевом, связаны с обрядовыми действиями опосредованно. На территории Велижского и Демидовского районов рассматриваемый напев бытует с четырьмя текстами. Варианты с зачином «Сады мои, вишни» и «А в нашей деревне» в дд. Бахово и Сеньково-Луг Демидовского района исполняются в обрядах Духова дня. В д. Взъёмы Велижского района с текстом «Орёл – божья птица» напев приурочен ко времени Петровского поста. Согласно комментариям народных исполнителей из д. Кли́н Демидовского района и д. Цыганы Велижского района, вариант напева с зачином «Выйду я на горы» звучал от Духова дня до Петрава.

Напевы анализируемого типа получают различную жанровую трактовку в исследованиях традиций русско-белорусского пограничья. Так, согласно работам Л. М. Белогуровой, данный тип напева полифункционален, в смоленско-могилёвском пограничье бытует в качестве весеннего, в западновинском субареале – купальского, а в верхнем Поднепровье – троичского. З. Я. Можейко указывает, что в восточной зоне Беларуси этот напев встречается как весенний, а в северных и центральных районах Поозерья является купальским и юрьевским [4, с. 98, 106]. Г. В. Тавлай, анализируя купальскую обрядность, отмечает распространение напева на севере Беларуси [7, с. 55]. На юге Псковской области напев бытует в качестве толочного [5, с. 383–387].

Значимость музыкально-типологических параметров календарно-обрядового музыкального фольклора повлияла на то, что в исследованиях определения напева (троичский, купальский и т.д.) складываются подобно номинации жанра «троичская песня», «купальская песня», т.е. жанровая принадлежность песни проецируется на её важнейшую составляющую – напев. Это происходит в отношении напевов раннего историко-стилевого слоя, которые функционируют не в связи с отдельными обрядовыми комплексами, а обобщают значительный календарный период. В связи с этим актуально предположение И. И. Земцовского о существовании в давние времена периода «одножанровости» или «периода недифференцированной функциональности», «когда синкретичной функции соответствовал практически один музыкальный жанр» [3, с. 29]. Возможно, что функциональная значимость, степень обобщенности типовых напевов и их знаковая сущность оказывались наиболее весомыми, в результате выступали в статусе формульных и обслуживали значительное число обрядов.

Представленный на примере записей из северо-западных районов Смоленской области напев проявляет себя как символ весенне-летнего календарного периода, но не отдельного обряда. Основанные на политекстовом типовом ангемитонном напеве с шестисложной организацией и «зеркальным» типом ритмической композиции песни на данном этапе исследования с точки зрения жанра предлагается определить как календарно-обрядовые песни весенне-летнего периода, а бытование в рамках определённого обрядового комплекса (весеннего, духовского, купальского или петровского) оценить как внутрияжанровые разновидности.

⁶ «Выйду я на горы». Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 062–13. Исп.: Шелгунова М. И., 56 л., Савельева В. И., 52 г., Митрофанова М. И., 56 лет, Огаркова М. И., 40 л., Лукьяненко Е. П., 50 л., Кириллова О. Ф., 36 л. Рук. эксп.: Требелёва С. Я., 22.07.1964. Расш.: Чуракова М. И.

⁷ «Выйду я на улку». Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ № 4844–10. Исп.: Кукушкина А. И., 1922 г. р., Кукушкина З. Х., 1933 г. р., Кукушкина Н. Х., 1929 г. р., Лагушкина Н. М., 1936 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Полякова А. В., Мальцева О. В., Ивашина О. В., 21.07.1997.

Список литературы:

1. Белогурова, Л. М. Календарная традиция северного Поднепровья в восточнославянском контексте / Л. М. Белогурова // Вопросы этномузыкознания. – 2014. – № 7. – С. 68–87.
2. Гиппиус, Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья / Е. В. Гиппиус // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии) : сб. трудов. – М., 1982. – Вып. 60. – С. 6–11.
3. Дорохова, Е. А. Масленичные песни в русской календарной традиции / Е. А. Дорохова // Фольклорный текст: функция и структура: сб. трудов / Российская академия музыки им. Гнесиных; отв. ред. и сост. М. А. Енговатова. – М., 1992. – Вып. 121. – С. 5–31.
4. Земцовский, И. И. Жанр, функция, система / И. И. Земцовский // Советская музыка. – 1971. – № 1. – С. 24–32.
5. Можейко, З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии. Опыт системно-типологического исследования / З. Я. Можейко // АН Белорусской ССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора; ред. Е. В. Гиппиус. – Минск: Наука и техника, 1985. – 247 с.
6. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов / Фольклорно-этнографический центр, Комитет по культуре Псковской области, Областной центр народного творчества; сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. – СПб., Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. – Т. 2. – 813 с.
7. Прыбылова, В. М. Музыкальный ландшафт песенно-абрадавых традиций Масленицы Верхнага Падняпроўя / В. М. Прыбылова; навуц. рэд. Т. С. Якіменка. – Мінск: БДАМ, 2010. – 151 с. – з дадаткам «Музычныя традыцыі Масленицы Беларускага Падняпроўя» (кампакт-диск).
8. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Том 1. Календарные обряды и песни / отв. ред. О. А. Пашина. – М.: Индрик, 2003. – 760 с.
9. Тавлай, Г. В. Белорусское купалье. Обряд, песня / Г. В. Тавлай. – Минск: Наука и техника, 1989. – 172 с.
10. Традиционная мастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 1. Віцебскае Падзвінне; склад. Т. Б. Варфаламеева [і інш.]. – Мінск: Бел. навука, 2004. – 910 с.
11. Эвальд, З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского полесья / З. В. Эвальд // Песни Белорусского Полесья / АН СССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора; под ред. Е. В. Гиппиуса. – М.: Сов. композитор, 1979. – С. 15–32.

Алена Грыбко

ВОПЫТ ДАСЛЕДАВАННЯ ФАЛЬКЛОРНАЙ ПЕСЕННАЙ ТРАДЫЦЫІ ВЁСКІ РЭДЗЬКАЎШЧЫНА ПАСТАЎСКАГА РАЁНА ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ

Elena Gribko

RESEARCH EXPERIENCE OF FOLK SONG TRADITION IN THE VILLAGE OF REDKAVSHCHYNA POSTAVY DISTRICT VITEBSK REGION

Аўтар артыкула дзеліцца вопытам збору народных песень у вёсцы Рэдзкаўшчына, на Беларускам Падзвінні. У 2014-2016 гг. аўтар запісала шмат песень сямейна-абрадавага цыклу (асабліва вясельных) і шмат песень календарна-абрадавага цыклу (песні абраду Жаніцьба Цярэшкі, валачобныя песні).

The author shares her experience folk songs collecting in Redkavshchyna Village (historical-ethnographic region Belarusian Padzvinne). In 2014-2016 the author collected many songs of family ritual cycle (especially weddings) and many songs calendar ceremonial (songs of ritual Marriage Tereshka, Easter songs).

У сучасным свеце хуткімі тэмпамі паскараецца працэс урбанізацыі, а вёскі, у тым ліку і беларускія, з іх самабытнай песеннай культурай імкліва знікаюць з геаграфічных мапаў і (што значна больш прыкра) з сацыяльнай і культурнай памяці народа. Вельмі балюча глядзець на тое, як выдатныя ўзоры песень паміраюць разам са старэйшым пакаленнем носьбітаў, чыё высокае мастацтва часам няма каму пераймаць.

Пачынаючы з 2014 года я займаюся зборам традыцыйных узораў песень, якія дагэтуль захаваліся ў вёсцы Рэдзкаўшчына Пастаўскага раёна. Яны адносяцца да розных жанраў. Большасць складаюць песні сямейна-абрадавага цыклу (асабліва вясельных), а таксама песні календарна-абрадавага цыклу (абрад Жаніцьба Цярэшкі, валачобныя песні).

Спявачкі вёскі Рэдзкаўшчына родам з бліжэйшых мясцін, але пасля таго, як яны пайшлі замуж у гэтую вёску, заўсёды заставаліся актыўнымі ўдзельніцамі яе жыцця. Можна меркаваць, што сабраныя матэрыялы адносяцца не толькі да канкрэтнай мясцовасці, але і да наваколя. Пяркоўская Глафіра Пятроўна (1941 г.) з вёскі Губіна, Шкорнік Глафіра Віктараўна (1932 г.) з вёскі Луцк-Казлоўскі, Вештарт Ядзьвіга Уладзіміраўна (1936 г.) з вёскі Жуперкі, Цярлюк Часлава Цітаўна (1938 г.) з вёскі Анкуды, Ганчар Вера Фамінічна (1938 г.) з вёскі Сарокі, Гінько Гэлена Васільеўна (1925 г.) з вёскі Рэдзкаўшчына.

Запісам фальклору на Пастаўшчыне і яго вывучэннем займаліся такія вучоныя, як: Г.І. Цітовіч, П.В. Шэйн, А. Чэрны, З.Я. Мажэйка, Т.Б. Варфаламеева і іншыя. Аналізуючы працы фалькларыстаў і этнографістаў, можна зрабіць вывад, што найменш трапілі ў апублікаваныя даследаванні ўзоры ўсходняй часткі Пастаўскага раёна. Таму актуальным, на наш погляд, застаецца даследаванне і захаванне культурнай спадчыны менавіта гэтага рэгіёна.

Пастаўскі раён знаходзіцца на паўночным захадзе Беларусі, так званым заходнім выступе Віцебскай вобласці. Тэрыторыя раёна займае часткова Полацкую нізіну па сярэднім цячэнні ракі Дзясна і Свянцянскія грады. Паазер'е ў сваёй заходняй зоне, - рэгіён скрываўвання розных веравызнанняў, культурных узаемаўплываў. Пераважная колькасць насельніцтва тут належыць да дзвюх асноўных хрысціянскіх канфесій: праваслаўя і каталіцызма [2, с. 25].

Вопыт даследавання паказвае шэраг сучасных адметнасцяў, якія ярка бачныя на прыкладзе традыцыйных абрадаў і свят. Так, на Заходнім Паазер'і «польскія» калядоўшчыкі заходзілі не толькі да «сваіх» – католікаў, але і да